

МОЖНО ЛИ НЕ СЧИТАТЬСЯ С ИСТИНОЙ?

Люди обычно неодинаково ценят пережитое, равно как и события, факты, дела нынешних дней. Но это вполне естественное разномыслие прежде не всегда проявлялось открыто. В недалеком прошлом, как известно, многие предпочитали помалкивать, держать свое мнение «при себе», следуя премудрости: «разговор—серебро, молчание — золото». Молчаливцы и ныне не перевелись. Но охотников судить и рядить обо всем, толкая так и этак, в нашем обществе в пору гласности стало необычайно много.

Нас уже как-то приучили к тому, что говорят и публикуют всякое, порой не сообразующееся ни с истиной, ни с элементарной порядочностью. Вряд ли кого удивляют и непростые нападки на КПСС, на КПБ, исходящие в большинстве своем от тех, кто причисляет себя к демократам, к поборникам свободы и национального возрождения. К сожалению, именно для них стало нормой огульное охаивание всей послеоктябрьской истории нашей страны, нашей республики.

Нередко приходится слышать: это, мол, и есть проявление гласности, политического плюрализма. А коли так, то надо к любым откровениям относиться как к должному. Вроде — логично, и все-таки бездумно соглашаться со всем, что сегодня попадает в эфир, на страницы печати, зачастую просто невозможно.

Многократно заявлялось, и тем не менее хочу еще раз подчеркнуть: коммунисты — за гласность, за плюрализм. Но когда этими понятиями прикрываются как ширмой для протаскивания и навязывания людям ложных суждений и оценок, когда под флагом гласности и плюрализма подвергаются поношению ценности, неотделимые от жизни и борьбы нескольких поколений советских людей, то это вызывает невольный протест. Разве можно согласиться с разрушением святынь, духовных основ нашей государственности, нашего Союза?

Мне, как и многим коммунистам республики, немисливо смиряться с заявлениями и публикациями, искажающими истину, противоречащими принципу историзма, объективному, непредвзятому освещению того, что было в прошлом, что важно и для правильного понимания нынешней действительности.

А такого рода выступлений становится, к сожалению, все больше и больше. Попадают они и на страницы нашей республиканской печати. Знакомившись с ними и невольно приходишь к выводу: их авторы под благовидным предлогом устранения «белых пятен» в истории создают своего рода «черные дыры», которые без разбора заполняются односложно подобранными сюжетами и цитатами, подтасовками и домыслами, призванными представить в самом неприглядном свете деятельность Компартии Белоруссии и ее руководящих кадров.

Характерно, что в последнее время объектом прямых или же слегка завуалированных нападок все чаще становится Петр Миронович Машеров — авторитетнейший лидер рес-

публики, доброе имя Петра Мироновича и то дело, которому он столь преданно и самоотверженно служил.

По возрасту я отношусь к тому поколению, которое непосредственно в сражениях Великой Отечественной войны не участвовало. Однако бури и лишения военного лихолетья, неминуемо трудные послевоенные годы не обошли меня и моих сверстников, предопределив наш выбор, нашу судьбу, наше гражданское становление как воспреемников и продолжателей патриотических дел и традиций наших старших товарищей. Мы мужали, испытывая благотворное воздействие их идейной убежденности, непоколебимой верности социалистическому Отечеству, идеалам справедливости и гуманизма.

Естественно, среди тех, кто с честью выдержал испытание войной, были люди разные. Не все из них «на гражданке» сумели приумножить духовный, нравственный потенциал, крепость которого в полной мере проявилась в схватке с фашизмом. Жизнь и судьба старших складывались неодинаково. И все-таки в целом это было поколение, самое героическое в истории нашего государства. Ему мы обязаны всем.

Петр Миронович Машеров принадлежал к славной когорте Героев Советского Союза. Причем его Золотая звезда, в отличие от некоторых «заслуженных» по должности в мирное время, несла на себе отблеск боев и пожарниц сурового военного времени, когда Петр Миронович вместе со своими сверстниками, со всем народом не покорившейся гитлеровцам Белоруссии держал экзамен на верность Родине.

Но и в послевоенный период он опять-таки каждодневно своей самоотверженной работой на постах, куда его направляла ленинская партия, держал этот экзамен, не прекращавший до последнего биения его сердца. Именно в годы послевоенного возрождения и развития республики, как мне представляется, наиболее ярко и полно раскрылись замечательные партийные, личные качества Петра Мироновича, его организаторский талант, присущий ему дар привлекать людей истинной демократичностью, благородством души, обаянием своей натуры.

Мне не довелось работать с ним, что называется, бок о бок, но и до сих пор я, как и многие мои коллеги по партийной работе, считаю себя его выдвиженцем, его учеником и соратником. Многократно прикасаясь с Петром Мироновичем при обсуждении различных вопросов партийной, государственной-хозяйственной, общественной жизни, видя его в самых разных ситуациях, в конкретном деле, в дискуссии, при беседах с людьми и принятии очень ответственных решений на уровне бюро, секретариата ЦК, правительства республики, пришел к твердому убеждению: в его лице Компартия Белоруссии имела талантливого, высококомпетентного руководителя, выражавшего все лучшее, что есть в белорусском народе, в сочетании с интеллектуальным достоинством партийного ин-

тели, давая белое за черное, подлаживаясь под модное ныне поветрие обличать и осуждать все, что было прежде.

Причем используется один и тот же прием: признают, что П. М. Машеров как лидер обладал многими привлекательными чертами и качествами. Но тут же, противореча собственным похвальным оценкам, стараются доказать, что он ничуть не лучше других деятелей брешневской поры, что бездумно выполнял установки центра, подлаживался под вкусы и требования верхов и в стремлении угодить им не останавливался ни перед чем, нанося непродуманными решениями и действиями урон экономике, культуре, экологии республики. Конкретные доказательства выдвигаемых обвинений, естественно, не приводятся. Они подменяются субъективными умозаключениями и рассуждениями «вокруг да около», призванными произвести впечатление на легковверных.

Но достаточно обратиться к фактам, к мнению тех, кто работал рядом с Петром Мироновичем, как всякого рода домыслы лопаются подобно мыльным пузырям.

Есть что сказать в этой связи и мне. Безоговорочно отвергаю несостоятельную идею о том, что республика при Машерове являлась неким удобным полигоном для различных экономических и социальных экспериментов, осуществлявшихся под нашим руководством, со стороны центра. Реальностью было как раз совсем иное. В «Правде», «Коммунисте» и других союзных изданиях не раз отмечалось, что Компартия Белоруссии, не ожидая каких-либо указаний свыше, по своей инициативе и в экономике, и в социальной сфере, и в постановке идеологической работы смело экспериментировала, веда поиск нового.

И это было действительно так. Как и многие другие, видел и помню, что при самой энергичной поддержке со стороны П. М. Машерова в различных отраслях народного хозяйства республики, задолго до перестройки, проходили апробацию идеи и начинания, продиктованные заботой о повышении эффективности хозяйствования, о преодолении устаревших, отживших его элементов, того, что в дальнейшем стали определять как механизм торможения. Так, в 1974 году у нас начал проводиться смелый по тем временам эксперимент — переход ряда предприятий и организаций на хозрасчет и самофинансирование. Сомнений высказывалось тогда немало. Привычка полагаться на рычаги, действовавшие на протяжении десятилетий, довела над многими. Но Петр Миронович решительно встал на сторону новаторов. В частности, активно поддержал руководство Минавтотранспорта БССР, сделавшую ставку на расширение самостоятельности низовых подразделений, на внедрение в отрасли не бумажного, а реального хозрасчета. Эта реформаторская линия, довольно быстро доказавшая свою перспективность, пробивала себе дорогу и в других сферах.

А сколько конструктивных областей страны приезжали за опытом. Наведывались и за необходимыми покупками, поскольку полки в магазинах Белоруссии тогда отнюдь не пустовали.

Словом, упрекать П. М. Машерова, что он как лидер застойного периода был всего лишь послушным исполнителем спускаемых сверху директив, нечестно. Он не поддавался, когда пытались навязать республике нечто несоответствующее опыту и традициям народа. Петр Миронович имел свой взгляд по любому вопросу и не боялся отстаивать его. Помню, как А. Н. Косыгин, находясь в республике, пытался убедить наше руководство в необходимости сделать ставку в процессе начавшейся работы по переустройству белорусских сел и деревень на сооружение многоэтажных домов городского типа, как более экономичных и отвечающих, по его мнению, стремлению молодого поколения сельских тружеников не связывать себя обременительными заботами по содержанию скота и птицы. Петр Миронович решительно с этим не согласился, заявив, что нельзя лишать крестьянина связи с землей, что на селе надо строить дома усадебного типа с необходимыми надворными постройками, позволяющими иметь «и коровку, и поросенка, и куренка». И эту позицию он последовательно проводил в жизнь. Сегодня нетрудно сделать вывод, чья точка зрения оказалась более верной и жизненной.

Немало спекулятивных суждений сейчас высказывается по проблемам белорусского Полесья. До чего только не договариваются иные злопыхатели: непродуманной, мол, программой массовой мелиорации земель погубили уникальный край, превратили его чуть ли не в зону бедствия. Обвиняют в этой связи и Машерова. Но в подобных рассуждениях, как мне представляется, много магии и мало правды. Гигантская работа по преобразованию Полесья говорит сама за себя не только по масштабам сделанного, но и результатами коренного улучшения условий труда, жизни и быта сотен тысяч людей, живущих ныне в современных благоустроенных поселках, получающих устойчивые урожаи на мелиорированных землях и поставляющих весомую долю мяса и молока в общереспубликанский фонд.

Конечно, как и во всяком большом деле, тут не обошлось без ошибок и серьезных просчетов. Легко сказать: за послевоенное время в республике мелиорировано более 3 млн. гектаров заболоченных и излишне переувлажненных земель. Верно, не все они вошли в разряд высокопродуктивных. Вначале думали больше о том, чтобы сбросить воду, осушить болота, а о двустороннем регулировании водного режима заговорили с опозданием, лишь при Машерове. Он этому вопросу уделял огромное внимание и не раз предупреждал руководителей хозяйств: не поддаваться нажиму, ни в коем случае не возделывать на мелиорированных торфяниках, особенно мелководных, пропашные куль-

туры. Значимость экологической проблематики предопределила ряд важных решений, принятых и осуществленных еще при жизни Петра Мироновича. Но в этом направлении, конечно же, предстоит работать и работать, не жалея ни сил, ни средств. Чернобыль — прозное тому напоминание.

Несостоятельны и попытки представить дело таким образом, что КПБ и ее лидер, дабы «выслужиться перед центром» и выполнить то что бы то ни стало планы поставок продукции в союзный фонд, будто бы заставляли «подчищать сусеки», выгребая из них все «до последнего зернышка, до последнего клубня». Такого, разумеется, никогда не было. Было другое, и об этом хочу сказать, поскольку традиции и практика тех лет поучительны. Компартия Белоруссии, ее кадры, трудовые коллективы республики в те годы считали своим важнейшим долгом безусловное выполнение заданий, вытекающих из общегосударственного плана, из сложившихся между республиками хозяйственных связей, отношений партнерства и взаимопомощи. Нас так воспитывали и я смею утверждать: если не для всех, то для большинства руководителей, специалистов, да и рядовых тружеников это было непреложным нравственным законом. Приоритетность общенародных интересов в те годы являлась принципом, который последовательно реализовывался на практике и обеспечивал четкое взаимодействие и функционирование всех звеньев единого народнохозяйственного комплекса страны.

Да и спрос с кадров, не в пример нынешним временам, был строгим. Выскивали за малейшее упущение, за любой срыв в выполнении обязательств перед страной, по оперированным поставкам. Как это контрастирует с сегодняшней ситуацией в экономике, когда разрываются десятилетиями складывавшиеся межхозяйственные связи, нарушаются согласованные сроки и объемы поставок и в большинстве своем никто за это никакой ответственности не несет!

Ныне кое-кто не прочь поиздеваться над политическими, идеологическими формулами и ценностями нашего недавнего прошлого. Из лексикона ученых, публицистов, писателей одно за другим исчезают слова и понятия, какие прежде выражали суть важных идейно-нравственных, духовных ценностей нашего общества. Так, все реже и реже встречаются ссылки на советский патриотизм, коллективизм, интернационализм и многое другое, что было выстрадано борьбой и трудом не одного поколения наших людей, а в тех случаях, когда эти термины звучат на страницах печати, они нередко идут вместе с эпитетами уничижительного свойства. Если говорить о патриотизме, то с приставкой «казенный». Упоминание об интернационализме сопровождается добавлением эпитета «окаменевший». О единой душе говорится в увязке с иронической добавкой «показ-

ать воздух, зеленый шум лесов, незамутненную ясность рек и озер». Значимость экологической проблематики предопределила ряд важных решений, принятых и осуществленных еще при жизни Петра Мироновича. Но в этом направлении, конечно же, предстоит работать и работать, не жалея ни сил, ни средств. Чернобыль — прозное тому напоминание.

Несостоятельны и попытки представить дело таким образом, что КПБ и ее лидер, дабы «выслужиться перед центром» и выполнить то что бы то ни стало планы поставок продукции в союзный фонд, будто бы заставляли «подчищать сусеки», выгребая из них все «до последнего зернышка, до последнего клубня». Такого, разумеется, никогда не было. Было другое, и об этом хочу сказать, поскольку традиции и практика тех лет поучительны. Компартия Белоруссии, ее кадры, трудовые коллективы республики в те годы считали своим важнейшим долгом безусловное выполнение заданий, вытекающих из общегосударственного плана, из сложившихся между республиками хозяйственных связей, отношений партнерства и взаимопомощи. Нас так воспитывали и я смею утверждать: если не для всех, то для большинства руководителей, специалистов, да и рядовых тружеников это было непреложным нравственным законом. Приоритетность общенародных интересов в те годы являлась принципом, который последовательно реализовывался на практике и обеспечивал четкое взаимодействие и функционирование всех звеньев единого народнохозяйственного комплекса страны.

Да и спрос с кадров, не в пример нынешним временам, был строгим. Выскивали за малейшее упущение, за любой срыв в выполнении обязательств перед страной, по оперированным поставкам. Как это контрастирует с сегодняшней ситуацией в экономике, когда разрываются десятилетиями складывавшиеся межхозяйственные связи, нарушаются согласованные сроки и объемы поставок и в большинстве своем никто за это никакой ответственности не несет!

Ныне кое-кто не прочь поиздеваться над политическими, идеологическими формулами и ценностями нашего недавнего прошлого. Из лексикона ученых, публицистов, писателей одно за другим исчезают слова и понятия, какие прежде выражали суть важных идейно-нравственных, духовных ценностей нашего общества. Так, все реже и реже встречаются ссылки на советский патриотизм, коллективизм, интернационализм и многое другое, что было выстрадано борьбой и трудом не одного поколения наших людей, а в тех случаях, когда эти термины звучат на страницах печати, они нередко идут вместе с эпитетами уничижительного свойства. Если говорить о патриотизме, то с приставкой «казенный». Упоминание об интернационализме сопровождается добавлением эпитета «окаменевший». О единой душе говорится в увязке с иронической добавкой «показ-

ать воздух, зеленый шум лесов, незамутненную ясность рек и озер». Значимость экологической проблематики предопределила ряд важных решений, принятых и осуществленных еще при жизни Петра Мироновича. Но в этом направлении, конечно же, предстоит работать и работать, не жалея ни сил, ни средств. Чернобыль — прозное тому напоминание.

Несостоятельны и попытки представить дело таким образом, что КПБ и ее лидер, дабы «выслужиться перед центром» и выполнить то что бы то ни стало планы поставок продукции в союзный фонд, будто бы заставляли «подчищать сусеки», выгребая из них все «до последнего зернышка, до последнего клубня». Такого, разумеется, никогда не было. Было другое, и об этом хочу сказать, поскольку традиции и практика тех лет поучительны. Компартия Белоруссии, ее кадры, трудовые коллективы республики в те годы считали своим важнейшим долгом безусловное выполнение заданий, вытекающих из общегосударственного плана, из сложившихся между республиками хозяйственных связей, отношений партнерства и взаимопомощи. Нас так воспитывали и я смею утверждать: если не для всех, то для большинства руководителей, специалистов, да и рядовых тружеников это было непреложным нравственным законом. Приоритетность общенародных интересов в те годы являлась принципом, который последовательно реализовывался на практике и обеспечивал четкое взаимодействие и функционирование всех звеньев единого народнохозяйственного комплекса страны.

Тогда же в духовную жизнь народа вошли остропроблемные произведения И. Мележа, В. Быкова, И. Шамякина, А. Петрашкевича, В. Козько. Монументальное, изобразительное искусство обогатилось творениями, созданными такими признанными мастерами, как М. Савицкий, З. Азгур, А. Бембель, В. Стельмашок. Отряд творческой интеллигенции республики пополнился новыми именами писателей, художников, скульпторов, композиторов, архитекторов, чей талант раскрывался на рубеже 60-х—70-х годов.

Ныне некоторые из отнюдь не обиженных судьбой творческих работников при случае не прочь «пустить слезу», выставить себя в качестве гонимых и притесняемых в те годы. Но этим «страдальцам» мало кто верит. Н. Гилевич едко изобразил подобных горемык в одном из недавних сатирических стихотворений «Ахвяра часоў застоў у літаратуры»:

«Ой, як я пакутаваў,
як гараваў!
У год — па сем кніг усяго
выдаваў,
І толькі тры дачы сабе
збудоваў,
І толькі сто раз за мяжой
пабываў
(Па разіку ў месці!) — во,
як мардавалі!
Во, страшныя крыўды якія
цярпеў!»

А если уж говорить najczęściej, то все по-настоящему яркое, самобытное получало поддержку со стороны партийных и советских органов республики. Что же касается П. М. Машерова, то мне хорошо известно, что он, считая любой талант достойным народным, всячески содействовал людям одаренным, творчески мыслящим, нестандартным. Помню в этой связи одно из шуточных его замечаний: «Талантам надо помогать, а прочие пробуются сами...». При этом его не смущали произведения, обжигающие своей прямоотой, раскрывающие явления и тенденции не только положительной, но и негативной направленности. В согласии с А. Т. Твардовским он считал, что лишь «неправда нам в убыток, и только правда ко двору».

К нему как к партийному лидеру обращались за советом и поддержкой сотни людей по самым разным вопросам.

П. М. Машеров был очень

рова стремятся представить его лидером, который будто бы в своих суждениях шел на поводу концепций и взглядов, навязывавшихся ему «научными авторитетами». То есть хотя сказать, что не имел собственного мнения и слепо полагался на советчиков со стороны, потому, мол, и повторял их «памылковыя вывады».

Нет ничего более нелепого и вздорного, чем подобные домыслы. Все его доклады, речи, рекомендации, советы несут стусок выношенных им идей, размышлений. Они — плод напряженной работы его ума и сердца. Он мог со знанием дела говорить, например, об истории, потому что читал, говорил его словами, «от корки до корки» труды Соловьева, Ключевского. Не понаслышке, а в подлиннике знал и работы наших белорусских историков. И когда один из нынешних «правдоискателей» упрекает П. М. Машерова в отсутствии «смелости и принципиальности» при рассмотрении вопроса о реабилитации и восстановлении в рядах КПСС известного научного и общественно-политического деятеля Белоруссии В. М. Игнатовского, то и в данном случае истина искажается. Петр Миронович в этом непростом вопросе как раз занимал вполне определенную позицию. Он был за полную гражданскую реабилитацию В. М. Игнатовского, поскольку у него существовала убежденность в непричастности последнего к тем преступлениям, какие ему инкриминировались в злосчастные 30-е годы. Но что касается партийной реабилитации тут у него полной уверенности не было. Он читал труды В. М. Игнатовского и находил в них, наряду с верными, глубоко научными выводами и обобщениями, и такое, что несло в себе националистический привкус. Кстати, и сам В. М. Игнатовский признавал ошибочность допущенных им трактовок отдельных вопросов. Машеров же, будучи убежденным коммунистом-интернационалистом, хорошо осознавал опасность любого перерастания национального в националистическое. Даже небольшие прегрешения такого рода он считал совершенно недопустимыми, особенно когда в них были повинны коммунисты, и тем более партийные и государственные деятели. Многие мог понять и простить Петр Миронович, но в этом вопросе он был непреклонен, не прощал даже малейших отступлений от принципов интернационализма.

Кое-кто ныне видит в этом чуть ли не ущербность. А иные из числа недобросовестных критиков не стесняются приписывать П. М. Машероу то, что он никогда и нигде не говорил, да и не мог сказать в силу своих убеждений. В частности, совершенно бездоказательно ему приписывают мысль о том, что, мол, «магчымаць нацыянальнага адраджэння на Беларусі ўжо канчаткова ліквідавана...».

Машеров думал иначе. Все, что делала и предпринимала КПБ в интересах подъема экономики и культуры республики, рассматривалось им как реальное, конкретное проявление заботы о национальном возро-